

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ

К скифо-европейским лексическим связям

ОСЕТ. *adæg* 'БОРОНА'

В свое время отмечалось, что скотоводческая терминология у осетин отличается большой древностью и восходит к общеиранскому и даже индоевропейскому, напротив, терминология, связанная с земледелием, отличается значительной пестротой с точки зрения происхождения и давности бытования на осетинской почве и не всегда поддается этимологизации¹. С тех пор этимологическое изучение осетинской лексики значительно подвинулось. Стало выясняться и происхождение земледельческих терминов. И тут вскрылся важный с культурно-исторической точки зрения факт: ряд основных терминов земледельческой культуры ведет не к иранским, а к европейским языкам: славянским, балтийским, германским, итальянским, кельтским. Таковы названия серпа, колоса, урожая, ярма и его частей, вероятно также сохи, мельницы, ступы и др. Вывод напрашивается сам собой: предки осетин, скифские племена, первоначально кочевники и скотоводы, переходили на оседлость и усваивали начатки земледелия в условиях контактов с европейскими народами².

Осет. *adæg* 'борона' служит новым подтверждением этого тезиса. Этимология *adæg* считалась неясной³. Теперь, когда вскрылось европейское происхождение ряда осетинских земледельческих терминов, пришла пора и для *adæg* занять свое место в этом ряду. *Adæg* мы рассматриваем как метатезу из **agæd*. Эта форма приводит нас к европейскому названию бороны **oketa*: др.-прусск. *aketes*, англос. *egede*, др.-в.-нем. *egida*, галльск., брет. *oged*, др.-кимр. *ocet*, лат. *occa*. Метатеза **agæd* → *adæg* могла произойти в осетинском в порядке ассимиляции с излюбленным для скифского и осетинского типом имен на *-æg* (иран. *-aka*)⁴. Но такая метатеза могла иметь место уже на европейской

¹ Абаев ОЯФ I, стр. 56—60.

² В. И. Абаев. Скифо-европейские изоглоссы. М., 1965, стр. 142 сл. (отрывок «У кого скифы учились земледелию?»).

³ Мало убедительная догадка в кн.: Абаев I, стр. 28 (к п.-е **edh* 'острый').

⁴ Абаев ОЯФ I, стр. 221—225.

почве: лат. *осса* легче вывести из **ot(i)ka*, чем из **ok(i)ta*⁵. Не исключено поэтому, что и лат. *осса* и осет. *adæg* следует возводить к **otæka-*, представляющему вариацию европейского **oketa-*.

ОСЕТ. *fætk'u* 'ЯБЛОКО'

Это интересное в культурном отношении слово упорно не поддавалось этимологизации. Картина прояснилась, когда стало известно, что вторая часть *-tk'u* (*-ck'u*) встречается и в названиях некоторых других плодов и ягод: *нутæ-tk'u* 'черная калина', 'гордовина', '*Viburnum lantana*', *тæ-ck'u* 'брусника', '*Vaccinium vitis idaea*'. Членение *fæ-tk'u* позволяет с уверенностью восстановить **fæł-tk'u*. Плавный *l* в данной позиции неизбежно должен был выпасть: *тæ-ck'u* также восстанавливается в **тæx-ck'u*, ср. груз. *mar-c'qu-* 'земляника'. *Нутætk'u* восстанавливается в *нутæł-tk'u*, ср. авест. *пәтата-* — название колючего кустарника⁶.

Восстанавливаемое *fæł* в **fæł-tk'u* (> *fætk'u*) сближается с европейским названием яблока: валлийское (кельтское) *afal*, брет. *aval*, крым. гот. *apel*, нем. *Apfel*, лит. *obuolis*, лтш. *ābuōls*, ст.-слав. *jablьko*, болг. *аблѣка*, русск. *яблоко*. Осет. *f* закономерно восходит к *p*, и, стало быть, звуковое развитие слова рисуется в следующем виде: **apal* → **afal* → **fæł-tk'u* → **fætk'u*. Отпадение начального *a-* нередко в осетинском: *dæłæ* 'внизу' от *adari*, *dojny* 'жажда' из *ædojny* ('безводье'), *пух* 'лоб' из *anika-* и др.

Во второй части занимающего нас слова, *-tk'u*, скрывается скорее всего какой-то кавказский элемент со значением 'плод', 'ягода'. Ср. упомянутое груз. *marc'qu* 'земляника', которое Н. Я. Марр делил на *mar* 'земля' и *c'qu* 'ягода' ('земляная ягода', ср. нем. *Erdbeere*, русск. *земляника*); ср. также груз. *c'qaw* 'лавровишня'.

Таскаты — ОТЫМЕННЫЙ ГЛАГОЛ?

Образование глаголов от имен наблюдается в славянских языках на протяжении всей их истории вплоть до наших дней, и соответствующие образования составляют заметную часть глагольной лексики.

⁵ Н. Нirt. — IF. 37, стр. 130; В. Порциг. Членение индоевропейской языковой области. М., 1964, стр. 285 сл.

⁶ Осет. *нутætk'u* нельзя связывать непосредственно с авест. *пәтадка-* 'кустарник', вопреки Бэйли (Н. W. Bailey. *Veda and Avesta*. — «University of Ceylon Review» XV, 1—2, 1957, стр. 25 сл.; Он же. *The New Iranian Materials from Turkestan*. — «Journal of the K. R. Cama Oriental Institute», 39. Bombay, 1958, стр. 132), так как в этом случае остаются необъясненными как смычно-гортанный *k'*, так и конечный *u*.

Отыменные глаголы можно классифицировать как по формальным признакам, так и по семантическим, т. е. по соотношению значений, выраженных в имени и в глаголе. Частично те и другие признаки взаимосвязаны. Так, образования на *-еть* в русском (самый многочисленный класс отыменных глаголов) имеют обычно медиальное значение, и смысловое их отношение к исходному имени сводится к следующему: иметь или приобретать то свойство или качество, которое заключено в имени. Сюда относятся производные от прилагательных: *белеть, чернеть, худеть* и т. п.; от существительных: *звереть, сатанеть* и т. п.

Образования на *-ить* могут быть активными глаголами со значением 'сообщать данное качество другому лицу или предмету': *чернить, белить, хулить, дурачить, гневить* и т. п.; 'действовать орудием': *пилить, боронить* и т. п.; медиально — 'совершать действия или вести занятия, свойственные лицу, предмету или понятию, обозначаемому именем, уподобляться чему или кому-либо': *батрачить, чабанить, буянить, (про)воронить, басить, юлить* и т. п.

Глаголы на *-ать* дают довольно пеструю картину семантических отношений к исходному имени. Но и здесь хорошо распознаются два типа: отношение действия к орудию, с помощью которого это действие совершается, и отношение уподобления.

Примерами на первый тип могут быть: *стрелять, сделать, (об)уздать, киркать* (Даль² II, стр. 109), *сакать* 'прибирать к рукам', 'присваивать', 'таскать', от *сак.* 'мешок' (Даль² IV, стр. 130), *лапать, козырять, костылять* и т. п.

Отношение уподобления выступает в таких глаголах, как *братать(ся), мужать, сиротать, мотылять* 'порхать мотыльком' (Даль² II, стр. 352), *лындать* от *лында* 'лентяй' (Даль² II, стр. 276), *лютовать, свирепствовать* и др.

Известно, что в русском и вообще в славянских языках есть значительное число глаголов, не получивших до сих пор удовлетворительной этимологии. При их разъяснении следует считаться и с возможностью деноминативного происхождения. Выявить отыменную природу некоторых глаголов бывает нелегко по двум причинам. Во-первых, исходное имя нередко выходит из употребления, во всяком случае в литературном языке, и нужны специальные историко-лексикологические разыскания, чтобы установить, какое имя лежит в основе данного глагола⁷.

Во-вторых, случается, что глагол по значению весьма далеко отходит от исходного слова, и их связь требует от этимолога семантического обоснования⁸. Бывает и так, что налицо оба обстоя-

⁷ В книге Г.-Ю. Иордана (Hans-Jürgen Jordan. Zur Geschichte der russischen Denominativa. Berlin, 1961, стр. 193 сл.) имеется особая рубрика: «Verba, deren Grundwörter nicht belegt sind». Пример: *лебезить* и др.

⁸ См. у Иордана рубрику: «Verba, die unbestimmbare Beziehungen zu ihren Nomina aufweisen» (Указ. соч., стр. 50—55). Пример: *(о)шеломить* и др.

тельства: и утрата исходного имени в литературном языке, и семантический разрыв между глаголом и исходным именем. Так именно обстоит дело с глаголом *гулять*. А. С. Львов удачно, по нашему мнению, показал, что *гулять* образовано от (нелитературного) *гуля* 'шар', 'мяч для игры' и означало первоначально 'играть в гулю', а потом 'праздно проводить время' и пр.⁹

Принимая во внимание все эти соображения, мы решаемся высказать догадку о деноминативном происхождении глагола *таскать*.

Русск. *таскать*, *тащить*, польск. *taskać*, *taszczyć*, чеш. *tasiti* можно, как нам кажется, связать с распространенным в европейских языках *taska* 'мешок', 'сумка', 'карман': др.-сев. *taska*, швед. *taska*, др.-в.-нем. *tasca*, ит. *tasca*, венг. *táska*, чеш. *taška*, фин. *tasku*, осет. *tæsk* | *tæsk*'æ. Исходное слав. **taska* утрачено (чеш. *taska* представляет новейшее заимствование из нем. *Tasche* и, конечно, никак не связывается с *tasiti*). Исходное значение *таскать* — 'нести в таске, в мешке'. Ср. русск. (диал.) *сакать* 'таскать' от *сак* 'мешок' (Даль² IV, 130), *котомить* 'комкать, мять, словно укладывая, уминая в котомку' от *котомы* (Даль² II 179). Ср. в английском: *sack* 'мешок' — *to sack* 'грабить', *bag* 'мешок' — *to bag* 'стащить' (разг.) и т. п. Стало быть, по семантическому отношению глагола к имени *таскать* относится к так называемым *instrumentativa*: имя означает орудие, предмет, а глагол — действие, совершаемое с помощью этого орудия; ср. *стрелять*, *боронить* и пр.¹⁰ Чешский осмыслил конечно *-ka* в **taska* как уменьшительный формант; отсюда форма *tasiti*.

Формы *таскать* || *тащить* соотносятся по обычной видовой модели: форма на *-ать* — несовершенное (многократное) действие, форма на *-ить* — совершенное (однократное); ср. *отвечать* || *ответить*, *кончать* || *кончить* и т. п. Существительное *таска* («задать таску» и т. п.), которое Фасмер (III, стр. 81) представляет как основное, представляет вторичное образование от *таскать*.

То, что имя **таска* 'мешок' вышло из употребления, а производный от него глагол *таскать* сохранился, не должно удивлять. Таких примеров множество (см. выше). Глагол *стрелять*, например, будет жить независимо от того, сохранится ли в языке слово *стрела*.

РУССК. (ДИАЛ.) *аланец* 'НЕПОСЕДА'

Большое и крайне нужное дело начал Ф. П. Филин: издание «Словаря русских народных говоров». Потребность в таком словаре давно и остро ощущается не только русистами и славистами;

⁹ «Этимология». М., 1963, стр. 110—115.

¹⁰ Н.-Л. Ј о г д а н. Указ. соч., стр. 18—21, 37—43, 65—69.

к нему постоянно будут обращаться также тюркологи, финно-угроведы, иранисты, специалисты по многим языкам, с которыми на протяжении своей истории приходил в соприкосновение русский народ. В нем найдут много ценного для себя не только лингвисты, но также историки, этнографы, фольклористы, литературоведы. Русские народные говоры — это целый мир, огромный лингвистический музей, раскинувшийся на шестой части земли.

В «Словаре» поднят обширный материал: один только список источников занимает 140 страниц.

Вышедший первый выпуск (М., 1965) содержит слова на букву «А». Эта буква, как известно, не очень показательна и «выигрышна» в русском языке. Но и здесь можно найти много интересного с разных точек зрения. Мое внимание обратило на себя слово *аланец* 'непоседа'. Из материалов М. Н. Макарова «Опыт русского простонародного словотолковника» 1846 («Чтения Общества истории и древностей российских» № 3, отд. IV) приводится фраза: «Аланец-еланец, непоседа, места не согреет, все вскачь да вскачь!» Место, где записана эта фраза, у Макарова, к сожалению, не указано.

В высшей степени вероятно, что в *аланец* скрывается этнический термин *алан*. Под этим названием были известны в прошлом предки современных осетин¹¹. Другим их названием было *ас*. Это последнее название в форме *яс* было хорошо известно русским и неоднократно упоминается в русских летописях¹².

Оба термина, *алан* и *ас*, встречаются в самых разнообразных источниках, но *алан* более характерен для западных, а *ас* — для восточных. Русские, имевшие контакты и с западом и с востоком, могли знать не только термин *ас* (*яс*), но и термин *алан*. В свое время я высказал догадку, что название пива в офенском аргю, *аланя*, содержит племенное название алан: осетинское пиво издавна пользовалось большой славой¹³.

Диалектное *аланец* 'непоседа' — еще один след названия алан на русской почве. Значение 'непоседа' на редкость метко схватило характернейшую национальную черту алан: их необыкновенную подвижность. Еще Аммиан Марцеллин (IV в.) писал о них: «Аланы . . . очень подвижны вследствие легкости своего вооружения»¹⁴.

Говоря об исторических судьбах алан, я отмечал в свое время: вряд ли можно указать в истории другой народ, который в течение такого продолжительного времени был бы непрерывно одержим страстью к передвижениям и дальним походам¹⁵.

¹¹ В с. М и л л е р. Осетинские этюды, ч. 3. М., 1887, стр. 39—70; А б а е в ОЯФ I, стр. 41—47.

¹² «Святославъ . . . ясы победы и касогы» («Повесть временных лет», I. М.—Л., 1950, стр. 47). Другие упоминания см.: В с. М и л л е р. Указ. соч., стр. 66—70; В а с ш е г III, стр. 496 (под словом *ясин*).

¹³ А б а е в ОЯФ, стр. 346.

¹⁴ «Historia», XXXI, 21.

¹⁵ А б а е в ОЯФ I, стр. 81.

Эта особенность алан не укрылась от их соседей, русских, и их название стало синонимом «непоседы».

Формант *-еу* в *алан-еу* вполне на своем месте; *-еу* и *-ин* — излюбленные форманты для этнических названий, причем они используются и тогда, когда слово само, без этих формантов, уже является этнонимом: *башкирец, осетинец, ясин, черемисин* и т. п.¹⁶

РУССК. (ДИАЛ.) *варзать* 'ДЕЛАТЬ ПЛОХО'

Прослеживая семантическую судьбу заимствованных слов, можно сделать такое наблюдение: если для какого-либо понятия в языке сосуществуют два слова, одно оригинальное, а другое заимствованное, то нередко бывает так, что оригинальное слово имеет нейтральную или одобрительную окраску, а заимствованное — пейоративную (*la loi de réjoration* Бреалья). Это относится как к именам, так и глаголам. Вот несколько примеров: нем. *Ross* 'конь'—франц. *rosse* 'кляча'; осет. *bæx* 'конь'—груз. (диал.) *baxi*, русск. (диал.) *бах* 'кляча' (Абаев I, стр. 256); карел. *varža* 'жеребенок'—русск. (диал.) *варжа* 'плохой, невзрачный жеребенок' (J. Kalima. *Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen*. Helsinki, 1919, стр. 84); иран. **myda-* (др.-инд. *mürdhan-*) 'голова'—русск. *морда*; франц. *voyage* 'поездка'—русск. *воляж, воляжировать* с ироническим оттенком; иран. *šam-, šam-* 'хлебать' (Абаев I, стр. 321 сл., сюда же груз. *š'am-* 'есть')—русск. (арго) *шамать* 'жрать'.

Русск. диал. (вят., кур., тамб.) *варзать* 'делать плохо', *варза* 'плохой работник' трудно отделить от иран. *varz-* 'делать' (авест. *varəz-* 'делать', перс. *varzīdan* 'делать', 'совершать', 'исполнять', 'заниматься', 'обрабатывать землю')¹⁷.

Это еще один пример пейоративного употребления заимствованного слова.

Иран. **varz-* восходит к и.-е. **wergʰ-* 'делать'. Исходное значение было, по-видимому, 'чародействовать'. Это значение отражено в греч. *ῥῥία* 'культовое действие' и в слав. **vorg-*, русск. *ворожить*. Слав. **vorg-* (вместо ожидаемого **vorz-*) идет по норме *kentum*, как ряд других слов в славянском (см. ниже о перекрестных изоглоссах).

Мы видим, стало быть, что и.-е. **wergʰ-* '(чаро)действовать' представлено в русском двояко: как исконное наследие (*ворожить*) и как заимствование из иранского (*варзать*). Подобные случаи нередки в истории языков. Так, иран. *čata-(čadā-)* 'водоем' представлено в осетинском оригинальным *cad* 'озеро' и заимствованным (из персидского через грузинский) *c'aj* 'колодец'.

¹⁶ Об этом см. в моей заметке «Этнические названия на *-еу* в русском языке». — «Вопросы культуры речи», 2. М., 1959, стр. 83—90.

¹⁷ Другие, мало убедительные толкования см.: V a s n e r I, стр. 170.